

с ударением. Так, даются *слово а́ слово, рука о́б руку, но нет нога а́ ногу, зуб а́ зуб, око за око* и др. Приводится *инженер-механик* с указанием родительного падежа, но нет слов *инженер-электрик, инженер-технолог*, относительно которых возникает тот же вопрос о форме косвенных падежей. Кстати, нужны ли указания на форму родительного падежа при таких словах, как *вид, опыт, комната* и др., с устойчивым ударением на основе? И здесь, на наш взгляд, имеется резерв экономии места: можно было бы оговорить в указаниях «Как пользоваться словарем», что форма родительного падежа не указывается у подобных слов. Гораздо полезнее было бы зато при таких словах, как *ампер, гектар, грамм, килограмм* и т. п., указывать не форму родительного падежа единственного числа, а форму родительного падежа множественного числа.

Непоследовательно также даются объяснения слов. Так, при слове *риксадг* дается пояснение «шведский парламент», но таких пояснений нет при словах *стортинг, фолькетинг, рейхсрат* и др.

Почему *габбро* мужского рода или *кольраби* женского, в отступление от существующего положения, в соответствии с которым заимствованные несклоняемые существительные, обозначающие неодушевленные предметы, относятся к среднему роду?

В заключение еще раз отметим несомненность положительных сторон словаря, по вместе с тем выразив пожелание, чтобы при переиздании ему была придана более отвечающая интересам массового читателя форма: устаревшие лишние специальные, областные, просторечные слова, сокращено не всегда нужное количество производных словообразований, сглажены противоречия между словарем и «Правилами русской орфографии», а также внутри самого словаря, добавлены слова, нужные в широком обиходе. В последнем случае речь идет не только о случайно пропущенных словах, но и о тех, которые составители сознательно не включили: мы имеем в виду перечень трудных для написания собственных имен лиц, который можно дать в качестве небольшого приложения. Целесообразность такого списка вряд ли приходится доказывать.

К. И. Былинский и Д. Э. Розенталь

František Trávníček. Historická mluvnice česká. III. Skladba.—Praha, SPN, 1956. 199 стр.

После того, как в 1929 г. Ф. Травничек опубликовал четвертый том «Исторической грамматики чешского языка» Я. Гебауэра (ум. в 1907 г.), посвященный историческому синтаксису, в чешском языковедении больше не появлялось обобщающих работ аналогичного содержания. Между тем проведенные за последние 50 лет чешскими лингвистами специальные исследования внесли ряд существенных поправок и дополнений в достигнутое Гебауэром понимание исторического развития синтаксического строя чешского языка. В этом отношении особенно видную роль сыграли работы И. Зубатого и ряда других чешских языковедов — И. Страки, В. Вондрака, Э. Сметанки, В. Эртля, Ф. Травничка и др., сделавшие необходимым создание новой итоговой работы по историческому синтаксису чешского языка.

Этой необходимости в значительной степени удовлетворяет новая книга акад. Ф. Травничка «Синтаксис», опубликованная в виде третьей части «Чешской исторической грамматики» и утверждаемая в качестве учебника для чехословацких вузов. Однако своему педагогическому назначению данная книга соответствует лишь частично — главным образом ясностью и наглядностью изложения. Что же касается содержания книги, то здесь имеются значительные отклонения от обычного типа курсов, так как, по словам самого автора, в ней даны «о древнечешском синтаксисе и его историческом развитии не всесторонние и полные, а только лишь дифференциальные сведения». Ф. Травничек останавливается на тех явлениях, «которые древнечешский язык существенно отличался от новочешского», и проходит мимо «явлений, общих для древнего и нового языка, а также явлений, заметно не изменившихся в своем историческом развитии» (стр. 6). Если говорить об общих принципах, то так именно и строятся разделы исторического синтаксиса в подавляющем большинстве курсов исторической грамматики. Но дифференциальное рассмотрение исторических явлений синтаксиса в книге Ф. Травничка оказывается более резко выраженным, чем можно было ожидать, судя по образцам других курсов. Так, например, история употребления падежей и предлогов, занимающая в «Синтаксисе» Я. Гебауэра 220 страниц (т. е. около 30% общего содержания тома)¹, в работе Ф. Травничка затрагивается лишь косвенно, далеко не полно и только в разделе о полупредикативном и предикативном употреблении имен (стр. 123—146). Это свидетельствует о том, что мы имеем дело в данном случае не столько с учебником или курсом, сколько с очерками по историческому синтаксису чешского языка, отличающимися в большей степени научно-исследовательским, чем педагогическим характером.

¹ См. J. Gebauer, *Historická mluvnice jazyka českého, díl IV* — Skladba, Praha, 1929, стр. 293—514.

«Синтаксис» Ф. Травничка состоит из трех разделов: «Предложение в целом» (стр. 7—122), «Части (члены) предложения» (стр. 123—163) и «Глагольные формы» (стр. 164—189). В первом разделе рассматриваются предложения неглагольные, в частности именные и междометные, затем предложения глагольные — отрицательные, с обобщенным значением субъекта, и вопросительные; наконец, основное место в этом разделе отведено сложному предложению в его различных структурных разновидностях. В разделе о членах предложения прослеживаются исторические изменения в формах полупредикативного и предикативного употребления имен, а также порядок слов в предложении (расположение энклитик, определений и предлогов). Третий раздел посвящен истории синтаксического употребления супина, инфинитива и дееспричастий.

Выбор большинства вопросов, рассматриваемых во всех трех разделах работы, на первый взгляд кажущийся довольно случайным, при более внимательном ознакомлении оказывается обусловленным внутренней связью этих вопросов в изложении автора. Так, например, почти весь ход мыслей Ф. Травничка, связанный с исторической характеристикой сложных предложений и, в частности, союзов, опирается на те части первого раздела, где идет речь о междометных и вопросительных предложениях. Авторское истолкование генезиса синтаксических функций дееспричастий в конце книги в значительной степени основывается на тех местах первого раздела, где рассматриваются предложения именные и обобщенно-личные, а также связано с анализом полупредикативной роли дееспричастий во втором разделе (стр. 133—136).

В отличие от большинства авторов, ограничивающих историю синтаксических структур языка в своих курсах периодом письменных памятников, Ф. Травничек, следуя пока еще не очень распространенной традиции, идущей в славянском языкознании от А. А. Потебни, выходит далеко в прошлое за пределы этого периода, который для чешского языка начинается фактически с XIV в. «Моя цель, — пишет автор, — заключается в том, чтобы представить древнечешский синтаксис не только как результат более раннего развития до XIV ст., но и как отрывной момент для возникновения новочешского состояния, т. е. чтобы представить его как один из периодов в развитии нашего национального языка» (стр. 5—6).

Одно из исходных теоретических положений Ф. Травничка сформулировано в книге следующим образом: «Как слова сохраняют свое фонетическое звучание, но меняют свое смысловое содержание..., как одна и та же форма меняет свое значение..., так и синтаксические конструкции (*větné útvary*) приобретают со временем новое значение» (стр. 5). Именно стремление к последовательному проведению и конкретизации этого положения при анализе исторических путей развития различных синтаксических явлений в сочетании с особым вниманием к доисторическому состоянию исследуемых явлений делает работу Ф. Травничка исключительно интересной для всех, кого занимают вопросы славянского исторического синтаксиса.

Из наиболее удачных мест книги Ф. Травничка, в которых применены указанные принципы, можно отметить, например, последовательное и четкое истолкование генезиса ряда структурных типов сложноподчиненных предложений: с придаточными повествовательно-изъяснительными с формой сослагательного наклонения (*ty pravíš, bych já bládil*), с придаточными желательного-изъяснительными с сослагательным наклонением (*káza, by se hotovali*), с придаточными цели с сослагательным наклонением (*je se modlití, aby se vrátil*), с придаточными желания и цели с изъявительным наклонением и союзом *at'* (*učiň, at' budem zdrávi; daj nám vody, at' pítí budem*) и сложноподчиненных условных со значением нереальности (*by bylo lžě kam utít, každý by rád prýč vyplanul*) (стр. 59—70). Основываясь на известной мысли о том, что гипотактические конструкции сложных предложений в славянских, как и вообще в индоевропейских языках развились путем видоизменения конструкций паратактических, Ф. Травничек блестяще подтверждает и конкретизирует это положение, применяя его к указанному синтаксическим конструкциям. Исторические объяснения Ф. Травничка в данном случае концентрируются вокруг того засвидетельствованного рядом индоевропейских языков факта, что сослагательное наклонение в этих языках развилось из форм прошедшего времени и, в частности, в славянских языках — из формы плюсквамперфекта.

Исходя из указанного, автор просто и убедительно толкует изъяснительные и целевые придаточные с сослагательным наклонением как предложения, имевшие первоначально сказуемое в форме плюсквамперфекта и не зависевшие от предшествующего предложения, а соединявшиеся с ним бессоюзной сочинительной связью. Лишь впоследствии, в результате более тесного слияния такого предложения с предшествующим, оно начало приобретать новые оттенки значения, зависевшие от значений главного предложения (желания, цели и т. п.), в связи с чем форма плюсквамперфекта приобрела новое значение сослагательности. Параллельно этому форма повелительного наклонения типа *at'* буде объясняется как возникшая из сочетания формы изъявительного наклонения настоящего времени с сочинительным союзом *a* и частицей (первоначально местоимением) *ti* в составе тех же придаточных предложений желания или цели, развившихся в результате видоизменения чисто паратактических конструкций. Таким

образом, Ф. Травничек показывает, как в определенных контекстуально-семантических условиях не только конструкции с плюсквамперфектом, но и конструкции с формой настоящего времени в ходе исторического развития языка приобрели совершенно новое грамматическое значение.

Приведенный пример достаточно характеризует общий метод изложения автора, стремящегося к всестороннему освещению связей между различными историческими явлениями языка, к глубокому проникновению в доисторическое состояние разбираемых синтаксических конструкций. В том же плане рассматривает Ф. Травничек развитие синтаксических функций инфинитива в чешском языке (стр. 167—178). В качестве наиболее древней функции инфинитива, засвидетельствованной в памятниках, он принимает, как, впрочем, уже и В. Вондрак¹, его обстоятельную функцию со значением отношения (*chlěb tvrd jěsti*) и цели (*město dobré bydliti; pytel penězom klásti; kto má uši slyšeti, slyš; káza vojem vsláti; žluč jemu piti dali* и т. п.). В дальнейшем, в условиях конструкций типа *ovoce jěsti bylo nechutné*, в которых имена существительные среднего рода первоначально были подлежащими, а инфинитивы — обстоятельными при именных сказуемых, имена постепенно переосмыслились в дополнения к инфинитивам, которые в связи с этим превратились в подлежащие при тех же составных сказуемых. Под влиянием этого переосмысления старые конструкции с именами существительными мужского и женского рода единственного и всех трех родов множественного числа подверглись уже и внешним изменениям: тип *čistota je liba slyšeti* изменился в тип *čistotu je libo slyšeti* и т. п.

В ходе указанных изменений инфинитив, наряду с чисто обстоятельными функциями, приобрел также функции, приближающие его к личному глаголу (способность управления прямым дополнением) и одновременно к именительному падежу существительного (способность выступать в роли подлежащего). В результате субстантивации и вербализации инфинитива его обстоятельное значение цели превратилось в значение возможности или необходимости (стр. 175—176). Предлагаемое понимание путей развития функций инфинитива вскрывает и исторические корни специфических для инфинитива связей с дательным падежом и других свойственных ему конструкций (стр. 176—177).

Не менее показательным для характеристики метода Ф. Травничка является и то место в разделе о полупредикативном употреблении именных частей речи, где дается обстоятельное и последовательное изложение условий и путей превращения полупредикативных прилагательных, согласовывавшихся с подлежащими или прямыми дополнениями, в наречия на *-o* (стр. 126—130).

Нет надобности останавливаться на других, более частных достоинствах книги Ф. Травничка, вполне естественных при характерных для нее полноте и всесторонности охвата материала и широком обобщении связей между наблюдаемыми историческими явлениями. Все же не все части книги в равной мере заслуживают безоговорочного признания. Именно тот факт, что в работе не просто излагаются общепринятые сведения по историческому синтаксису чешского языка, а делается ряд серьезных попыток нового подхода к различным синтаксическим явлениям, обуславливает наличие ряда спорных положений или выводов. Так, например, приступая к освещению исторического развития функций инфинитива, Ф. Травничек отклоняет общераспространенное мнение о том, что инфинитив первоначально представлял собой отглагольное имя существительное в форме дательного падежа. Отмечая, что «развитие инфинитива в исторический период движется от наречного значения к субстантивному», что в более ранние периоды исторического развития чешского языка, отраженного в памятниках, инфинитив имеет «наречное» значение чаще, чем в более поздние периоды (стр. 167), Ф. Травничек делает вывод, что инфинитив по своему происхождению является отглагольным наречием и что только из этого наречного значения инфинитива развивается впоследствии значение субстантивное (стр. 168).

Известно, однако, что никакие производные наречия (а именно таким наречием следует признать инфинитив, согласно Ф. Травничку) не были наречиями с самого начала, что все они являются застывшими формами каких-либо других частей речи. Поэтому нет никаких оснований отрицать первоначально субстантивный характер инфинитива, выполнявшего в качестве формы дательного падежа сначала обычную для нее функцию обстоятельства цели и лишь впоследствии потерявшего всякую связь с категорией имени существительного. Что же касается так называемой «субстантивации», наблюдавшейся у инфинитива в более поздний период развития славянских языков, то, во-первых, это уже вторичное вовлечение инфинитива в сферу имени существительного, не имеющее ничего общего с его происхождением, во-вторых же, «субстантивация» здесь оказывается далеко не полной, так сказать «контекстуальной», поскольку инфинитив сблизился с именем существительным лишь в отношении некоторых синтаксических функций, сохранив, однако, все свои отличия от имени существительного в плане морфологическом.

¹ W. V o n d r á k, Vergleichende slavische Grammatik, Bd. II — Formenlehre und Syntax, 2-e Aufl., Göttingen, 1928, стр. 263, 408.

В иных случаях в рассматриваемой книге наблюдается некоторое хронологическое перемещение процессов возникновения отдельных синтаксических категорий в относительно поздние периоды развития славянских языков. Так, например, считая, что сочинительные союзы *a, i, ale, však* первоначально представляли собой междометия со значением «вот», имевшие самостоятельную фразную функцию (стр. 16—17, 46—85), Ф. Травничек и в тех случаях, когда эти союзы присоединяют главные предложения к придаточным условным, уступительным, временным и т. п., оформленным соответствующими подчинительными союзами или союзными словами (например, *ač jsem ml. d. i. ělem, ale stár jsem srdcem*), возводит функцию сочинительных союзов при главных предложениях к первоначальной междометной функции этих союзов (стр. 46). Однако такое возведение вряд ли возможно, если помнить, что сочинительные союзы должны были окончательно сформироваться как категория еще до возникновения подчинительных союзов и союзных слов. В таком случае даже наиболее древние сложноподчиненные конструкции с подчинительными союзами включали в свой состав союзы *a, i, ale*, которые утратили уже какую бы то ни было связь со своим предшествующим несюзным состоянием. Поэтому кажется лишенным реальной почвы и следующее обобщающее положение автора, высказанное в связи с развитием данного типа конструкций: «Изменение первоначального междометного значения в союзное явилось отражением усовершенствования мышления, того, что говорящие осознали смысловую связь обоих предложений» (стр. 46).

Подобно значению союзов *a, i, ale* после придаточных предложений, Ф. Травничек объясняет значение союза *jež* (*ježto*) в его причинной функции (*dělati nemožieše, jež sobě ručẽ zhryzla*), тем, что первоначально этот союз в таких конструкциях имел междометное значение «вот» (стр. 93). При таком объяснении конструкций указанного типа следует, с одной стороны, предположить у них длительный период предшествующего развития, на протяжении которого «междометие» *jež* в их составе превратилось в причинный союз, с другой стороны, признать, что междометный характер сохранился у *jež* до того времени, пока не стали развиваться придаточные конструкции с причинным значением. Однако такие отмечаемые самим автором факты, как необычность подобных конструкций в древних памятниках (где они в части случаев смешиваются еще с относительными) и наличие их в современном чешском языке, преобладание в древних памятниках причинных конструкций с другими союзами и широкое распространение в древности придаточных относительных с *jež* (*ježto*), говорят о том, что причинная функция *jež* является вторичной по отношению к его относительной (а может быть, и изъяснительной) функции¹. Следовательно, предполагать междометное значение *jež* (*to*) в тот период, когда этот союз начал использоваться в причинных конструкциях — значит допускать известный анахронизм в освещении развития синтаксического строя.

Осуществленная в книге попытка сведения первоначальных функций большинства союзов и союзных слов [*a, i, ale* — стр. 46; *nali(t')* — стр. 47; *ano* — стр. 16, 49; *že* — стр. 56, 117; *ježe, jež(to)* — стр. 93, 103; *jako* — стр. 58; *šak* — стр. 85; *jedy, jeda* — стр. 87 и др.] к междометному значению «вот» кажется слишком прямолинейной. Что касается союзов *nali(t')* и *an(o)*, то их указательно-междометное происхождение, доказанное уже И. Зубатым², не только не вызывает каких-либо сомнений, но и довольно четко прослеживается в самом функционировании этих слов в качестве союзов. Иначе обстоит дело с остальными союзами и союзными словами, которые Ф. Травничек считает возможным присоединить к *nali* и *ano*. Прежде всего, вряд ли может быть оправданным приписывание одного и того же междометного значения целому ряду слов, отличных друг от друга как по своей грамматической природе, так и по своим этимологическим связям (ср. этимологическую неопределенность частиц *a, i, ale* и несомненные остатки местоименной природы у слов *jako, však, jež, ježto* и т. п.). По-видимому, у всех союзов местоименного происхождения указательность может предполагаться лишь как общий оттенок их бывшего значения, сопровождавший основные значения (места, времени, субстанции, качества и т. п.), различные у каждого из соответствующих местоименных слов с самого начала. Поэтому, например, развитие функции *jedy* в конструкции типа *jedyžto přijidú do Syrie* следует объяснять не так, будто первоначально эта конструкция означала «вот, пришли в Сирию» и только «со временем *jedy*... приобрело значение временного союза» (стр. 87), а так, что *jedy* с самого начала имело указательно-временное значение наречия *mogda*, постепенно же его указательный оттенок значения изменился в относительный. Это же касается

¹ Ср. аналогичное развитие причинной функции у союзов *что, шо, што* в восточнославянских языках: Л. А. Булаховский, Курс русского литературного языка т. II, Киев, 1953, стр. 331—332; «Курс сучасної української літературної мови», т. II, Київ, 1951, стр. 290—291; Е. Ф. Криворучко, Беларусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, М., 1956, стр. 486—487.

² См. J. Z u b a t ý, Studie a články, Praha: sv. I, č. 2, 1949, стр. 44—57; sv. II, 1954, стр. 53—106.

и других союзов и союзных слов местоименного или местоименно-наречного происхождения, которые никак невозможно возвести к недифференцированному значению «вот». В частности предполагать это значение в качестве основного для слова *však* (причисляемого, кстати, к союзам весьма условно, даже с точки зрения современного чешского языка) едва ли возможно.

Но несводимость первоначальных значений союзов местоименного происхождения к функции указательного междометия не ограничиваются трудности, возникающие в случае привития точки зрения Ф. Травничка; ничем фактически нельзя подтвердить не только первоначально междометную, но даже просто указательную функцию союзов *a, i, ale*. Наличие в славянских языках междометий *a* или *i* в пользу этого предположения абсолютно ничего не говорит, так как, во-первых, данные междометия нигде указательного значения не имеют, во-вторых же, в славянских языках имеются и междометия *o, u*, что отнюдь не служит поводом для того, чтобы этим обосновывать, скажем, междометное происхождение предлогов *o, u*. Таким образом, положение о первоначально междометном характере союзов *a, i, ale* в славянских языках остается пока только гипотезой.

Наконец, особо следует отметить сомнения, вызываемые утверждением Ф. Травничка; будто и союз *že* представлял собой в прошлом междометие *že* все с тем же указательным значением «вот». Бесспорным доказательством такого происхождения союза *že* Ф. Травничек считает один несомненный и один сомнительный пример из памятников, где *že* соответствует латинскому *esse* (стр. 56). Однако нет никаких причин расценивать это *že* иначе, чем фонетическую (а возможно, и морфологическую) разновидность указательной частицы *ež*, более обычной со значением *esse* в древнечешском и отмечаемой в связи с *že* самим автором. Что касается частицы *ež*, то ее генетическое тождество с *ježe, jež* не вызывает сомнения и у Травничка, хотя, как уже было указано, эти последние формы он тоже рассматривает как указательные междометия в прошлом. Но если признавать фонетическими вариантами, с одной стороны, *jež(e)* и *ež(e)*, а с другой — *že* и *ž'*, то вряд ли можно найти сколько-нибудь серьезные препятствия к тому, чтобы в условиях частой употребительности союза *eže* (а может быть, и **iže*) предположить возможность утраты этим словом начального гласного и превращения в *že*¹. Абсолютный параллелизм функций *že* и *(i)ježe* как изъяснительных союзов в древнечешском не оставляет никаких сомнений в тождественности их происхождения. Ввиду невозможности другого объяснения союза *že* такие сомнения до сих пор ни у кого и не возникали, и только преувеличение роли предполагаемых указательно-междометных функций в развитии функций союзов заставило Травничка оторвать *že* от *ježe* и признать его отдельным союзом, возникшим из междометия *že*.

Серьезные возражения вызывает толкование исторического развития синтаксических функций деепричастий из функций общеславянских активных причастий. Ф. Травничек считает, будто в древнем языке деепричастия выступают как именны предложения (стр. 180). «Фразная функция деепричастий, — пишет автор дальше, — является несомненно древней. Это вытекает как из древности именных предложений вообще (§ 9), так и из того, что деепричастия образуют с глагольными предложениями по форме сложносочиненные предложения, внутри которых смысловое отношение предложений часто бывает подчинительным» (стр. 181). Однако эти аргументы вряд ли могут быть достаточными для отнесения древних причастных оборотов к числу обычных именных предложений. Для этого необходимо доказать, что старые причастия с относящимися к ним словами или без них могли функционировать как с а м о с т о я т е л ь н ы е простые предложения, хотя бы подобно междометиям или обращениям. Но по отношению к старым причастиям, до тех пор пока они сохранили свои обычные функции, этого сказать нельзя: ни одно деепричастие без вспомогательного глагола в личной форме не могло функционировать без наличия глагольного или именного со связкой предложения; оно представляло, таким образом, лишь составную часть предложения, осложняя его указанием на дополнительное действие (или состояние, для выражения которого не требовалось отдельного предложения (например: *zjeví sě děl'atko, nesa v košiku ovoce*).

Ничего не говорят в пользу признания древних причастных оборотов предложениями и известные в древних памятниках случаи употребления сочинительных союзов между оборотом и основной частью предложения (*nechav jedenie i poče... plakati; někteřé zjímav a vedl do Babylona*). Помимо убедительного объяснения этого явления, данного уже А. А. Потебней, считавшим старые причастия второстепенными сказуемыми по отношению к основному сказуемым в одном и том же предложении², следует учитывать также указание Л. А. Булаховского о возможности влияния на подобное употребление со стороны «параллельных сочетаний — с настоящими придаточными

¹ Ср. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. IV, М.—Л., 1941, стр. 227.

² А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, I—II, 2-е изд., Харьков, 1888, стр. 185—194.

предложениями, за которыми шли в древнерусском (а также, добавим от себя, и в древнечешском, как это отмечает и Травничек — В. К., А. М.) главные, тоже начинавшиеся с *и, а...*¹. Наконец, тот приводимый Ф. Травничком факт, что причастия в старом языке употреблялись также в качестве составных форм сказуемого типа *jsem nesa*, вообще никакого отношения к самостоятельно-предикативной функции причастий не имеет. И даже не потому, что такое употребление причастий является якобы более поздним, чем употребление их без связки (это вряд ли верно), а прежде всего потому, что обороты типа *jsem nesa*, имеющие специальное грамматическое значение длительности или обычности действия и, вопреки мнению А. А. Потебни, представляющие собой не составные сказуемые, а особые лично-глагольные формы, не могут быть признаны простым формальным видоизменением употребления причастий без связок, как это считает Ф. Травничек (стр. 182—183).

Мало убедительны толкования оборотов типа: *činiš se nevěda* (стр. 185), *vizu ťě ležiče* (стр. 187), *nenie kto pomoha* (стр. 185) как первоначально означавших якобы *činiš se, nevěš; vidim ťě, ležiči; není, kdo by pomohl*. При этом обходится молчанием вопрос о том, почему же в более древних памятниках славянских языков (например, в церковнославянском) для этих конструкций было обязательным согласование причастия с дополнением к сказуемому в первых двух случаях и с подлежащим в последнем случае. А между тем эти примеры, как и вся совокупность относящихся к данному вопросу фактов, свидетельствуют о том, что наиболее древняя из доступных исследованию функций старых славянских причастий заключалась в атрибутивном по форме и полупредикативном по содержанию выражении действия или состояния, второстепенного по отношению к действию сказуемого того предложения, в состав которого входило причастие.

В качестве одного из доказательств абсолютно-предикативного характера причастий в древности Ф. Травничек приводит факты типа *он женивши(сь)* из севернорусских говоров, представляющие собой пережитки старого употребления причастий в роли самостоятельных сказуемых. Действительно, подобные конструкции имеют в роли сказуемых старые причастия, не нуждающиеся (и, кстати, никогда не нуждавшиеся) в связке. Более того, старые дееспричастия мужского рода на *-(е)ъ* распространились в роли самостоятельных сказуемых в украинском и белорусском языках². Но эти факты отражают не древнейший характер причастий, а только результат последующего изменения синтаксических функций в процессе утраты ими атрибутивной роли. Об этом свидетельствуют и данные восточнославянских письменных памятников.

Касаясь порядка слов, Ф. Травничек с достаточной точностью характеризует древнее состояние и дальнейшее изменение в расположении энклитик и предлогов. В той мере, в какой это позволяли чисто формальные критерии (согласованность — несогласованность, распространенность — нераспространенность и т. п.), рассмотрены также особенности расположения определений по отношению к определяемому существительному (стр. 153—159). Следует, однако, пожалеть, что автор не счел нужным привлечь к анализу порядка слов решающие в данном случае смысловые критерии, с успехом применяемые в подобных случаях другими чехословацкими лингвистами вслед за В. Матезиусом³. Учет этих критериев, как нам кажется, дал бы возможность глубже уяснить не только наблюдаемые в памятниках разновидности расположения определений, но и некоторые вопросы, на первый взгляд не имеющие отношения к порядку слов. В частности, выдвинутое Ф. Травничком утверждение, что относительные предложения с союзными словами указательного происхождения типа *jenž, jež, jedy* и т. п. выполняли в древности функцию распространения члена главного предложения, а относительные предложения с союзными словами вопросительного происхождения типа *kto, který, kdy* и т. п. — функцию распространения всего главного предложения в целом (стр. 100, 106—107, 109), можно было бы уточнить. Следовало бы указать на то, что значение обстоятельственности всех относительных предложений, начинающихся с *kto, který* и т. п., объясняется обычно для них, в силу их происхождения, позицией перед главным предложением, поскольку любая семантически самостоятельная часть предложения, не несущая основного смыслового веса предложения, располагаясь в начале последнего, приобретает роль выразителя исходной части мысли с постоянным — почти при всяком ее оформлении — общим оттенком условия, не свойственным в таких

¹ Л. А. Булаховский, указ. соч., стр. 362—363.

² Подробнее см.: А. С. Мельничук, Развитие предикативного употребления причастий на *-(е)ъ, -(е)ши* в восточнославянских языках, сб. «Славянское языкознание», т. I, Киев, 1957 (печатается).

³ См.: V. Mathesius, *Čeština a obecný jazykozpyt*, Praha, 1947 (статья «O tak zvaném aktuálním členění větném», «Základní funkce českého pořádku slov» и др.); E. Paulin y, *Slovosled a aktuálne větné členenie*, «Slovenská reč», ročn. XVI, № 6, 1950—1951; см. также по этому вопросу статьи того же автора в №№ 7 и 8 того же тома и более поздние работы других авторов.

случаях только группе сказуемого [ср. *kterýžt' nechěl uvěřiti, ten v svém hoři musil býti* (стр. 105) и *ten v svém hoři musil býti, jenž nechěl uvěřiti*]. Нечего уж и говорить о том, что применение смысловых критериев могло бы привести к раскрытию отдельных интересных особенностей, характеризующих также и взаимное расположение других членов предложения, оставшихся в книге с этой точки зрения не рассмотренными.

Здесь нет возможности остановиться на вопросе о связи между структурой языка и характером мышления, разрешаемом, по нашему мнению, слишком прямолинейно, и на некоторых других, менее важных местах работы Ф. Травничка, кажущихся нам в той или иной степени спорными. Сюда относятся, например:

Признание имени существительного в дательном падеже или предложной конструкции главным членом в предложениях типа *ach mně smutněj, avšak mně, ach na tě* (стр. 9), в которых, по нашему мнению, главным членом является междометие, управляющее дополнениями по аналогии к *běda mi* и т. п. (как и в др.-русск. *угы мнѣ, управь тыгу на тебе* и др.);

утверждение, согласно которому «именные предложения, несомненно, представляют собой более старый тип предложений, чем глагольные» (стр. 12). Это могло бы быть верно лишь в том случае, если бы было доказано более древнее существование имен в подлинном смысле слова по отношению к глаголам или же если под «именными» и «глагольными» предложениями понимать предложения без связки и со связкой при именном сказуемом;

отнесение предложений с подлежащим *lidě* к категории обобщенно-личных (стр. 32—36) — в один ряд с предложениями типа [*bolest přestala*], *jako když utne, když člověk ustane, s poctivostí nejdál dojdeš*, хотя слово *lidě* в соответствующих предложениях употребляется не в обобщенном, а в своем обычном значении (*lidě mluvíechu* и т. п.);

положение о том, что «желательное и целевое значение воспринимается во времени лишь как настоящее или будущее: *at' jde, přijde/aby psal, napsal*» (стр. 67), которое следовало бы уточнить оговоркой о возможности также и значения прошедшего у этих форм в случае их зависимости от главных, оформленных прошедшим временем;

неубедительность ссылок на роль энклитик как показателей былой синтаксической природы тех частей предложения, за которыми они могут или не могут следовать. В одних случаях (стр. 42, 46, 150) невозможность употребления энклитик после *a, i, ale* считается доказательством первично самостоятельного фразного характера *a, i* и т. п. как междометий, между тем как в других случаях (стр. 19, 73) употребление энклитик после *ano, naliť, nechť*, фразный характер которых в прошлом менее сомнителен, рассматривается уже лишь как показатель слияния слов *ano, nechť* и т. п. с остальной частью предложения в единое предложение, хотя слияние этих частиц с предложением ничуть не сильнее, чем в случае *a*;

неточное утверждение, будто в так пазываемом ситуационно вторичном проявлении речи (в косвенной речи) грамматическое лицо, не относящееся в прямой речи к самому говорящему, всегда совпадает с лицом, обозначенным во вводимом предложении (в словах автора), например: *rád vám pomohu/řekl vám, že vám pomůže; řekl nám, že nám pomůže; řekl jim, že jim pomůže* (стр. 116), хотя при *rád jim pomohu* возможно как *řekl jim, že jim pomůže*, так и *řekl nám (vám), že jim pomůže*;

неточное понимание винительного полупредикативного в конструкции типа *Josef nedužstojna se mně* как стоящего якобы вместо именительного (стр. 141; ср. также стр. 125, где в подобном случае отмечается несогласованность определения с подлежащим), между тем как винительный падеж определения в этих случаях издавна соотносится и согласуется с дополнением *se*, превратившимся в частицу лишь впоследствии, когда такое согласование с ним перестало быть возможным);

некоторые неисправленные опечатки, в том числе такая, как «Infinitiv» вместо «Dativ» (на стр. 176, 11 св.), и т. п.

Таким образом, наряду с несомненными достоинствами, обусловленными широким охватом фактического материала и постоянным вниманием автора к общим, пока еще мало исследованным тенденциям развития синтаксического строя чешского языка, начиная с общеславянского периода, в книге Ф. Травничка имеются и некоторые положения, вызывающие сомнение и требующие известного пересмотра и уточнения. Тем не менее они отнюдь не уменьшают важности книги Ф. Травничка как глубокого и своеобразного обобщения результатов новых исследований в области исторического синтаксиса чешского языка. Вызывая к себе живой интерес оригинальностью и смелостью подхода к ряду вопросов, книга Ф. Травничка наводит на новые мысли и, несомненно, послужит серьезным стимулом для дальнейшей разработки соответствующих вопросов истории славянского синтаксиса.

В. Т. Коломиец и А. С. Мельничук